

ЛИНГВИСТИКА

УДК 821.161.1.09

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ «СЛОВАРЯ ЯЗЫКА М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА»

Я. В. Алексеева, В. Н. Ерохин

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

Предметом настоящей статьи является описание теоретических основ «Словаря языка М. Е. Салтыкова-Щедрина». Определяется общая концепция словаря, структура словарной статьи и приводятся примеры комментирования.

Ключевые слова: *русский язык и литература, лексикография, лексика, семантика, поэтика*

Описание семантики слова в художественном тексте естественным образом должно отличаться от ее анализа в системе языка. Это связано с необходимостью учета места и роли слова в идиолекте писателя и в структуре конкретного художественного текста. Кроме того, при подобном описании невозможно избежать вопросов, связанных с особенностями мировоззрения писателя, его индивидуальной картиной мира.

Традиционное описание семантической системы идиолекта писателя ориентировано, прежде всего, на анализ семантических сдвигов – разного рода тропов в произведениях писателя. В результате должна получиться некоторая семантическая схема, сравнение которой с семантической схемой литературного языка даст в остатке картину собственно авторских семантических преобразований. Однако доля таких преобразований, особенно в идиолекте прозаика, невелика. Более того, такой анализ не может дать полного представления об особенностях мировоззрения писателя, поскольку в данном случае учитываются только «ближайшие» (собственно словарные) значения слова, а не понятия в индивидуальной картине мира, и, конечно, при таком подходе не может быть рассмотрена функция слова в контексте конкретного художественного целого.

Описание мировоззрения и поэтики писателя относится по большей части к литературоведению. Однако подобные исследования, как правило, ориентированы на анализ более высоких уровней организации художественного текста (персонажи, тема, сюжет) и не рассматривают собственно языковой материал произведения.

Между тем выход на идеологические уровни организации художественного текста, а от них на вопросы мировоззрения писателя и его индивидуальную поэтику возможен и с собственно языкового уровня, через лексикографическое исследование функции слова в идиолекте писателя. Образцом в данном случае может служить «Словарь языка Достоевского» [4] с четко разработанной структурой словарной статьи, включающей следующие разделы:

1. Адресная зона.
2. Количественные характеристики использования описываемой единицы в текстах Щедрина в целом и отдельно в текстах каждого жанра
3. Корпус словарной статьи

- 3.1. Порядок описания значений
- 3.2. Описание каждого из значений лексикографируемой единицы
- 3.3. Описание употреблений в составе собственных имен
- 3.4. Описание употреблений в составе:
  - 3.4.1 фразеологических единиц;
  - 3.4.2. пословиц и поговорок
4. Словоуказатель
5. Комментарий и Примечания
6. Указания на использование описываемого слова в чужой речи
7. Словообразовательная окрестность

Наибольшую трудность вызывают выделение и описание значений лексемы, и комментарий, и примечания. На примере слова *легкомысленный* в художественных текстах М. Е. Салтыкова-Щедрина попробуем показать механизм такого выделения и описания.

На основании анализа минимальных контекстов слова *легкомысленный* (*легкомыслие*) в идиолекте Щедрина можно выделить три значения *глупость*, *несерьезность*, *отсутствие строгости в нравах* и *идеологический консерватизм*.

Первое значение (*глупость*) более или менее очевидно выступает в следующих контекстах «Истории одного города»: «Покуда оставался прошлогодний запас, многие, по легкомыслию, пили, ели и задавали банкеты, как будто и конца запасу не предвидится» [3, т. 8, с. 310]; «...они утверждали, что при новом градоначальнике процветает торговля и что, под наблюдением квартальных надзирателей, возникнут науки и искусства... Одним словом, при этом случае, как и при других подобных, вполне выразились: и обычная глуповская восторженность, и обычное глуповское легкомыслие» [3, т. 8, с. 280].

Здесь легкомыслие можно интерпретировать как полный эквивалент глупости, употребленный для того, чтобы избежать тавтологии.

Второе значение (*отсутствие строгости в нравах*) можно установить на основе таких контекстов, как: «Едва начал поправляться город, как новое легкомыслие осенило бригадира: прельстила его окаянная стрельчиха Домашка» [3, т. 8, с. 302]; «Жил он где-то на "болоте", в полуразвалившейся избенке некоторой мещанской девки, которая за свое легкомыслие пользовалась прозвищем "kozy" и "опчественной кружки"» [3, т. 8, с. 315].

Выделение третьего значения (*идеологический консерватизм*) требует более детального объяснения, поскольку не вытекает достаточно явно из простого прочтения контекстов. Для подтверждения необходимо проанализировать его употребление в «Обращении к читателю» в «Истории одного города», где обыгрывается внутренняя форма слов *легкомыслие*, *вольномыслие*, *вольнолюбец*. В речи летописца слова *вольномыслие* и *вольнолюбец* имеют, очевидно, негативную коннотацию: «Смешно и нелепо даже помыслить таковую нескладицу, а не то чтобы оную вслух проповедовать, как делают некоторые вольнолюбцы, которые потому свои мысли вольными полагают, что они у них в голове, словно мухи без пристанища, там и сям вольно летают» [3, т. 8, с. 267].

Подобному отрицательному отношению к этим словам в речи летописца противостоит, безусловно, положительная их оценка со стороны повествователя. Это противопоставление и полярная смена коннотаций слова в дискурсах разных субъектов речи (противопоставленных в речевой организации произведения) являются одним из типичных приемов сатиры Щедрина. Поэтому *легкомыслие* как своеобразный деривационный контекстуальный антоним *вольномыслия* должно

содержать негативную коннотацию в речи повествователя. В контексте: «Но так как он все-таки был сыном XVIII века, то в болтовне его нередко прорывался дух исследования, который мог бы дать очень горькие плоды, если бы он не был в значительной степени смягчен духом легкомыслия» [3, т. 8, с. 375], – смысл его можно охарактеризовать именно как «идеологический консерватизм» (или «некритичный, несерьезный подход к политическим проблемам»).

В комментарии слово легкомысленный имеет зону неразличения значений. В сказке «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» непосредственное описание и характеристика генералов начинается с первой фразы текста: «Жили да были два генерала, и так как оба были легкомысленны, то в скором времени, по щучьему велению, по моему хотению, очутились на необитаемом острове» [3, т. 16 (1), с. 7]. Здесь представлены все три значения слова. Об этом свидетельствует описание генералов как персонажей. Они глупы, и лучшей иллюстрацией глупости генералов может служить их речь. Прямая речь генералов включает 72 предложения. При этом большинство их бессмысленно. Двадцать четыре предложения являются вопросительными или повелительными, к которым неприменима категория правдивости или ложности (то есть они, в строгом смысле слова, лишены референции). Сорок пять высказываний можно назвать квазимодальными. Это обычные высказывания, но заканчиваются они многоточием (пять) или восклицательным знаком. При этом они либо абсурдны, либо банальны, например: «...признаться, и я до сих пор думал, что булки в том самом виде родятся, как их утром к кофею подают! – Стало быть, если, например, кто хочет куропатку съесть, то должен сначала ее изловить, убить, ощипать, изжарить...» [3, т. 16 (1), с. 9]. Весь дискурс генералов может быть интерпретирован как комплексное сложное означающее к одному единственному, но важному означаемому – глупости.

Они не строги в нравах: «Чаще и чаще стали они припоминать об оставленных ими в Петербурге кухарках и втихомолку даже поплакивали. <...> – Хорошо-то оно хорошо здесь – слова нет! а все, знаете, как-то неловко барашку без ярочки» [3, т. 16 (1), с. 12].

Идеологический консерватизм генералов отражается в следующей фразе: «Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности» [3, т. 16 (1), с. 8]. Эта фраза является типичным примером использования официального стиля в русской литературе XIX в., ассоциировавшимся с некритичным следованием государственной идеологии и предписанным нормам социального поведения. Другим примером данной характеристики генералов может служить следующий контекст: «Что же мы будем, однако, делать? – продолжил он сквозь слезы, – ежели теперича доклад написать - какая польза из этого выйдет» [3, т. 16 (1), с. 7].

Доклад в XVIII в. и ранее посылали в Думу или непосредственно Царю (в Сенат или Императору) в случае возникновения серьезных административных проблем, не входящих в компетенцию местного руководства (воеводы), то есть это была высшая и последняя форма административных решений. Намерение написать доклад «наверх» в одной из первых фраз генералов очевидным образом свидетельствует об их отношении к верховной власти.

Приведем еще несколько выборочных примеров комментария.

Зону употребления слова в составе афоризма имеет слово *мудрость*: «Все уступки, компромиссы, соглашения, которыми так богата история личная и общая, все малодушия, обходы и каверзы – все это складывается, по мере осуществления, в кучу, надпись на которой гласит: опыт или мудрость веков» [3, т. 16 (1), с. 231].

Слова *прохвост* и *сатана* включают зону автономного употребления сло-

ва: «И откуда к нам экой прохвост выискался» – говорили обыватели, изумленно вопрошая друг друга и не придавая слову «прохвост» никакого особенного значения» [3, т. 8, с. 365]. Значение слова *прохвост* уточним в словаре В. И. Даля. Любопытно, что в нем никакого особенного значения (то есть *негодяй, подлец*) у слова *прохвост* не отмечено [2, с. 523]. «Угрюм-Бурчеев был прохвост в полном смысле этого слова. И потому только, что он занимал эту должность в полку, но прохвост всем своим существом, всеми помыслами» [3, т. 8, с. 403]. Однако *прохвост* – не единственное его наименование в «Истории одного города». В речи обывателей он именуется *сатаной*, в речи издателя – *идиотом, прохвостом* и многозначительным *он*. Все эти наименования отнюдь не равнозначны. Следует отметить, что в повествовании они последовательно сменяют друг друга: сначала *сатана*, затем *идиот*, потом *прохвост* и, наконец, *он*. *Сатаной* именуют его обыватели города Глупова, при этом издатель не принимает такой характеристики Угрюм-Бурчеева: «Отсюда же далеко не заслуженное название "сатаны", которое народная молва присвоила Угрюм-Бурчееву» [3, т. 8, с. 398]. Именование *сатана* связано с понятием мистического зла, действующего и целенаправленного, (то есть возникает дополнительный анагогический смысл, по терминологии средневековых схоластов, сверхсмысл, соотносимый с божественным откровением: «Сатана <...> враг человеческого рода, царь ада и повелитель бесов <...> воля и действия которого есть центр и источник мирового зла» [1, с. 485]). Это соответствует позиции групповцев по отношению к Угрюм-Бурчееву, который внушает им ужас.

Зону игрового употребления слова рука можно проиллюстрировать следующим каламбурном контексте (о помощнике градоначальника): «Затем, хотя он и попытался вновь захватить бразды правления, но так как руки у него тряслись, то сейчас же их выпустил» [3, т. 8, с. 293]. Каламбур основан на фразеологизме *взять бразды правления в свои руки*, что создает еще и зону иронического употребления слова.

Слово *простой* имеет зону использования в одном контексте нескольких слов того же словообразовательного гнезда: «Прост он был, поясняет летописец, так прост, что даже после стольких бедствий простоты своей не оставил» [3, т. 8, с. 329]. Ср.: историческую семантическую близость слов *простой* и *прямой*, отмеченную у М. Фасмера: «др.-русск. *Прость*, "прямой, открытый, свободный, простой" <...> болг. *прост* "простой, прямой"» [5, с. 380]. Отметим, что простота – достаточно частая характеристика начальника у Щедрина. Прост был бригадир Фердыщенко, прост был Угрюм-Бурчеев: «Прямая линия, отсутствие пестроты, простота, доведенная до наготы, – вот идеалы, которые он знал и к осуществлению которых стремился» [3, т. 8, с. 397], прост был и ястреб в сказке «Ворон-челобитчик».

Личное местоимение третьего лица в идиолекте Щедрина, безусловно, включает зону символического употребления слова. В «Истории одного города» *он* (по отношению к Угрюм-Бурчееву, который именуется еще сатаной, идиотом и прохвостом) и *оно* выделено курсивом: «*Он* еще не сделал никаких распоряжений, не высказал никаких мыслей, никому не сообщил свих планов, а все уже понимали, что пришел *конец*» [3, т. 8, с. 409]. Здесь еще и слово *конец* выделено курсивом, что тоже свидетельствует о наличии у него символического значения: «Полное гнева, *оно* неслось, бурвя землю <...> Хотя *оно* еще не было близко, но воздух в городе заколебался <...> *Оно* близилось, и по мере того как близилось, время останавливало бег свой <...> *Оно* пришло...» [3, т. 8, с. 423].

Опираясь на описанные принципы и методы анализа лексического материала, необходимо осуществить на первом этапе компьютерную обработку всех текстов писателя и получить полный словоуказатель и частные (ассоциативный, сочетаемости и др.) словоуказатели в электронном виде. Уточнить структуру словарной статьи и все возможные ее разделы и лексикографические пометы. На втором этапе планируется создание отдельных словарных статей и публикация их в научных изданиях. На третьем этапе предполагается подготовить все словарные статьи на букву А в электронном виде и в виде коллективной монографии

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Сатана // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 485–486.
2. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. Т. III: П. 555 с.
3. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: В 20 т. (24 кн.). М.: Худож. литература. 1970. Т. 8: Помпадурсы и помпадурши. 1863–1874. История одного города 1869–1870. 434 с. Т. 16 (1): Сказки. 526 с.
4. Словарь языка Достоевского [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=227> (Дата обращения: 07.07.2014).
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1967. Т. III. 827 с.

THEORETICAL BASES OF CREATION "DICTIONARY OF THE LANGUAGE OF M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN"

Ya. V. Alekseeva, V. N. Erokhin

Tver State University
The department of Russian language

The subject of this article is to describe the theoretical foundations of the "Dictionary of the language of M. E. Saltykov-Shchedrin. We define the general concept dictionary, dictionary entry structure and examples comment.

Key words: *Russian language and literature, lexicography, lexicon, semantics, poetics*

Об авторах:

АЛЕКСЕЕВА Яна Викторовна – аспирантка кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: iana.alieksieieva.1993@mail.ru.

ЕРОХИН Вячеслав Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: erovyach@mail.ru.